

цельх областей, получившему какие-либо особые привилегии в отношении налогов или выполнения феодальных повинностей при условии несения военной службы:

Τοῦ Ἀρόγγου, τοῦ Γαρδαλεβοῦ, ὁμοίως τῆς Τσακωνίας
χρυσόβουλλον τοὺς ἤφερεν, ὅλοι γὰ εἶναι ἐγκουσάτοι
ἄρματα γὰ βασιταίνουσι, δεσποτικὰ μὴ ποιήσουσι³⁵.

Феодальная терминология прослеживается и по другим литературным памятникам, особенно по романам, имевшим большое распространение в эпоху Латинской империи. Мы отметим те места этих произведений, где отражена социальная терминология.

Византийские историки, пользуясь западными феодальными терминами, обязательно пытались переводить их, объяснять их значение. Так, например, в правление Иоанна II Комнина (1118—1143) Византия вмешивалась в дела Венгрии, ссылаясь на родственные отношения между Комнинами и венгерской династией Арпадов. В 1124 г. венгерский король Стефан II начал военные действия против Византии. Иоанн II Комнин послал к Стефану II посла. Византийский историк Иоанн Киннам вкладывает в уста этого посла следующую речь: «Ты, раб, идешь войной на господина, и раб, не насильно надевший на себя иго, — иначе было бы некоторое основание, так как подобное рабство естественно бывает соединено с ненавистью к владетелям, — но раб добровольный (δοῦλος ἐθέλοδουλος), или, по вашему объяснению, ленный (ἐρμηνεύει δὲ σοὶ τοῦτο τὸ λίκιον)»³⁶.

В романах же феодальные термины встречаются уже как хорошо известные, не нуждающиеся ни в каком объяснении или переводе. Более того: если в романе «Бельтандр и Хрисанца» слово λίκιος употребляется в своем первоначальном смысле, то в романе «Ливистр и Родамна» оно применяется уже в переносном смысле, показывая этим, насколько читателям должно было быть понятно первоначальное значение этого слова. Неизвестные авторы этих романов, наблюдая складывавшийся быт, записывали то, что они видели вокруг себя, что они слышали от народных певцов, и вносили в свои произведения эти термины, уверенные в том, что они будут поняты всеми, кто будет знакомиться с этими произведениями.

Так, в романе «Бельтандр и Хрисанца» герой Бельтандр при встрече с королем Антиохии простирается перед ним по восточному обычаю (προσκυνεῖ) и вскоре делается вассалом короля (τὴν συνταγὴν τὴν ἐποίησεν λίκιος γὰ ἐγίνη). Это одна из рыцарских сцен, которые автор мог неоднократно наблюдать среди латинян в Пелопоннесе³⁷.

В романе «Ливистр и Родамна» герой Ливистр попадает во сне в царство Эроса, куда его приводят любовь (ἀγάπη) и страсть (πόθος). Там Справедливость и Правда объясняют ему, что такое любовь. Ливистр падает к ногам бога любви, просит его покровительства и обещает быть рабом его воли и повелений, причем слово «раб» передается словом λίκιος: ὥμοσα γὰ ἦμαι δοῦλος σου, δοῦλος τοῦ ὀρισμοῦ σου, λίκιος τοῦ θελήματος καὶ τοῦ προσταγήματος σου³⁸.

В другом месте мы встречаем производные от слов λίκιος и δοῦλος глаголы λικιώνομαι и δουλώνομαι в соединении со словами любовь и страсть, что является наиболее ярким примером употребления этих терминов в переносном смысле: δουλώνομαι εἰς τὸν Ἐρωτα, λικιώνομαι εἰς τὸν Πόθον³⁹.

³⁵ Ibid., p. 302, v. 4576—4578.

³⁶ Joannes Cinnamus, V, 8. Bonnae, p. 223.

³⁷ Ch. Gidel. Études sur la littérature grecque moderne. Paris, 1866, p. 140—142.

³⁸ Δ. Μαυροφρύδου. Ἐκλογή μνημείων τῆς νεωτέρας Ἑλληνικῆς γλώσσης, τόμος Α'. Ἀθῆναι, 1866, σελ. 331, στίχοι 207—208.

³⁹ Ibid., p. 335, v. 295.